

ПРОБЛЕМА ОСНОВНЫХ ПОНЯТИЙ СОЦИОЛОГИИ: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Как известно, понятия определяют предмет изучения любой науки. Все понятия связаны между собой и каждая наука, выбирая свой объект познания, должна сознательно использовать их символический язык. Среди многих понятий выделяются основные, важные по значению и роли, которые они играют в разработке простейших методических процедур, приемов и правил исследования того или много фрагмента действительности. Эти основные понятия имеют в себе смысловое отражение того, о чем они говорят, раскрывая саму суть уже не какого-то фрагмента, а источник возникновения жизни и его прямое следствие. Понятий как таковых выдумать нельзя, как нельзя и трактовать их, исходя из собственных восприятий, не обращая внимания на семантическую основу их существования. Однако на деле они не воспринимаются адекватно и поэтому повсюду постоянно возникают парадоксальные по извращению этого смысла интерпретации, как в гуманитарных, так и естественных науках.

Для конкретной аргументации нашего утверждения возьмем для философского анализа социологическую науку и рассмотрим положение дел с интерпретацией понятий, определяющей её статус как генерализирующей дисциплины об обществе. Для начала обратимся к коллективной монографии под редакцией В. И. Курбатова (1). Здесь мы сталкиваемся с такой абсурдной формулировкой: «...Как правило, в цепочке: «человек» — «личность» — «индивид» отражено своеобразие разделение труда философа, социолога, психолога, хотя каждый из них (думая о своем), может использовать любой из этих терминов. Иными словами, личность в общественном знании — это нечто особенное». Следует это воспринимать так, что точка зрения на одинаковый предмет изучения и использование его также одинаков, но специфика труда представителей данных отраслей знания позволяет вносить некоторые вариации в применении этих понятий, которые приводят их (понятия) к низведению до уровня терминов. Но в социологии просто термин — «это нечто особенное». «...Для социологии «личность», — это то, что делает людей похожими друг на друга...». Здесь комментарии излишни.

Следует, тем не менее, несколько внимательнее остановиться на высказывании социологии относительно философии, не обращая внимания на остальную словесную абракадабру. Нелицеприятная оценка, но справедливая, как не крути: «И *философия* (выделено нами. — А. К.), и психология оказывает существенное влияние на развитие социологических представлений о личности, однако их особый взгляд на сей предмет и специфическая терминология используется только в рамках специальных теорий» (1. С. 117–118).

Отступая на время от предмета нашего анализа, мы считаем необходимым заявить, что существует Философия и официально-академическая философия, которая сама себя низвела до уровня науки. Такого рода философия указать на

истинный смысл основных понятий, используемых наукой, не в состоянии, поскольку грубо материалистическое (чувственно-эмпирическое) мировосприятие нивелирует различие между ними. Вот поэтому и возникает полное единодушие в трактовке этих понятий. Мало того, официальная однобокая философия не подвергает никакому сомнению так называемые законы, принципы и методы науки, с помощью которых они заявляются как реальные и действующие в природе и обществе. Всё это отдано ей на откуп, что и порождает зависимость от последней.

Правильная мировоззренческая позиция является идеально-материальной. Реальность существует только при их тесном взаимодействии и под водительством идеального. Источник возникновения одновременно обоих один — это, как говорит восточная философия, Абсолют, Единая Вечная Жизнь. Познавать человека Его невозможно, для этого необходимо обладать, по крайней мере, атрибутами, состояниями и свойствами, присущими Ему, не говоря уже об их превосходстве. Постоянно раскрывающуюся идею жизни во Вселенной, природе, человеке с помощью механизма этого раскрытия — материи люди должны и в состоянии познать, принять и активно участвовать в ней. Другого пути нет.

Возвращаясь к тематике статьи, рассмотрим ещё один социологический опус достойного представителя материалистической науки, ущербной, ограниченной и невежественной в своей заданности.

Профессор Т. И. Афасижев в учебном пособии для студентов вузов вещает следующее: «— Индивид — отдельный человек, единица человеческого рода, воплощающая характерные признаки целого;

— Индивидуальность — означает особенное, неповторимое, самобытное, отличающее конкретного человека от других, включающее как унаследованные, так и выработанные в процессе онтогенеза его физические и психические особенности;

— Личность — человек с присущей ему системой волевых, интеллектуальных, социальных, культурных качеств, выражающихся в особенностях его сознания и деятельности» (2. С. 235).

Такие социологи как В. И. Курбатов и его коллеги, Т. И. Афасижев и многие другие всегда могут спрятаться за официальную парадигму науки — и «взятки гладки». Но тот, кто хотя бы немного прикоснулся к краешку истины, ощутил её величие, красоту и гармонию, преисполнился энтузиазмом творческого сознательного поиска, тому какие-либо надуманные и ограниченные парадигмы покажутся не стоящими ломаного гроша.

Нам нет нужды разбирать по пунктам ту ложь, которая сама за себя и так говорит. Скажем лишь коротко относительно этих понятий то, что они в себе изначально содержат. Во-первых, человек одновременно является и индивидом, и личностью. Все вместе они выступают состояниями телесной организации материи. Человек связан с сознанием посредством его аспекта — *признания*, которое привлекает особенное свойство, чисто человеческое, тонко-материально организованный ум. Данная связь образует *мысль*. Во-вторых, индивид связан с сознанием другим его аспектом — *знанием* с привлечением свойства индивида — *чувств*, внутренних психических ощущений. Эта связь порождает *ведание* или так называемое *чувствознание*. В-третьих, личность связана с сознанием третьим его

аспектом — *познанием* с привлечением своего свойства — *физической оболочки*. Этот вид связи образует *действие*, поступок, видимое поведение. Мысль, ведание и действие образуют единое целое, которое носит короткое, но ёмкое наименование — *слово*. И как тут не вспомнить мудрого евангелиста — апостола Иоанна, который ещё 2000 лет назад утверждал, что «вначале было Слово...». Этим все сказано. Что же касается понятия «индивидуальность», то здесь имеется в виду истинное ощущение радости индивида при выходе его на ступень ведания истины. У каждого индивида, естественно, такое ощущение неповторимо, своеобразно и переживается им отдельно, со своей степенью восприятия этой истины.

Чтобы окончательно поставить точку в социологическом подходе к формированию личности возьмем типичный для этой науки пример в лице своего достойного представителя А. Мендра. Судите сами: «Что является общим у всех членов общества и что объясняет нормальное функционирование общества? В периоды острого кризиса человек может реагировать под действием глубинных побуждений, импульсов почти звериных и биологических. Однако социология интересуется нормальным функционированием общества и пытается выяснить, что в индивиде есть социального, приобретенного, а не врожденного» (3. С. 33).

Мы думаем, что комментировать тут что-то нет нужды. Нет необходимости делать это и по поводу результата общественного обучения индивида, который как подопытные собачки академика — физиолога приобретает черты рефлексивного поведения, что и «возвышает» его до уровня «личности». Вот для чего и почему разработана эта доктрина социологии: «Разработанный И. Павловым, — честно и откровенно подтверждает наше мнение А. Мендра, — знаменитый метод условных рефлексов применяется и в социологическом анализе... Условные рефлексы, привитые в детстве, имеют тенденцию повторяться у взрослых в аналогичных социальных ситуациях» (3).

Можно ли представить себе, находясь в действительно нормальном состоянии ума, что социально-рефлексивное поведение людей устанавливает между ними эффективные связи и отношения? Политика, экономика, образование и т. д. при этом объявляются концентрированным выражением такого рода связей и отношений. При этом социология заявляет, что общественные законы возникают из общественной же практики, но тогда при её смене должны изменяться и общественные законы. Такие с позволения сказать «законы» не в состоянии гарантировать стабильность существования социальной системы во времени и пространстве. Нет такого закона, как проявления неизменной и вечной Идеи, который требовал бы приспособления к себе человека. Наоборот, он не появляется и не существует на базе био-, физио- или социо — рефлексов, инстинктов и аффектов. Закон не может порождаться людьми *apriori*, он обращается именно к сознанию человека для понимания его (закона) предназначения в жизни, которое реализуется в поступках, действиях и т. д.

Подводя черту в анализе социологических представлений о своих основных понятиях следует дать этой науке адекватное её статусу название, а именно — «коллективная рефлексология». Поэтому, ей надлежит предъявлять свои претензии на какую-либо состоятельность в пределах физиологии и психологии, которые тоже озабочены проблемами рефлексов и инстинктов и бьются в тенетах

ложных взглядов на происхождение сознания, его деятельность, связь с телесной организацией человека.

1. Социология / Под ред. В. И. Курбатова. Ростов н/Д., 1998.
2. Афасижев Т. И. Социология. Уч. пос. Майкоп, 2003.
3. Мендра А. Основы социологии. Уч. пос. для вузов. М., 1998.

Е. В. Бакеева
Екатеринбург

ОСМЫСЛЕНИЕ КАТЕГОРИИ БЫТИЯ В ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Поворот к осмыслению языка как одной из важнейших категорий в философии первой половины XX столетия тесно связан с проблематизацией (а позже — с дискредитацией) понятия бытия. Представление о «бессмысленности» философских проблем, оставляющее за философией функцию критики языка, восходит, в конечном счете, к установке: «Бытие — это (только) слово». При этом сама данная предпосылка сохраняет за собой статус онтологического положения — в силу своей фундаментальности. В результате «по ту сторону» философии как критики языка выстраивается своеобразная «теневая» онтология, в качестве основных элементов которой можно назвать: 1) два языка — логически совершенный, задающий форму того, что может быть помыслено и сказано, и повседневный («реальный»), характеризующийся неизбежным искажением, замутненностью этой формы; 2) т. н. субстанция («объекты», «вещи»), которые, согласно Витгенштейну, можно только «именовать». Запрет на «высказывание» «объектов» свидетельствует, по сути, об апофатическом характере этого понятия. Последнее только намекает на невозможность выхода за пределы языка как логической формы; 3) наконец, необходимым элементом этой онтологии выступает тот, кто призван осуществлять деятельность по «прояснению предложений», соотнося друг с другом два вышеупомянутых языка. При этом как субстанция, так и субъект критики языка (собственно, совпадающий со своей деятельностью) присутствуют в качестве молчаливых предпосылок данной установки, неизбежно ускользая от какого бы то ни было прояснения. В силу этого, пожалуй, уместнее было бы говорить об *одной* предпосылке, что и отмечается Витгенштейном в его положении о совпадении абсолютного солипсизма с абсолютным реализмом. Таким образом, признание непрозрачности того, что является условием философии как критики языка, оказывается неизбежной платой за ясность того, что «может быть сказано».

В этом смысле «фундаментальная онтология» М. Хайдеггера может быть интерпретирована как попытка высветить именно этот — противоположный — полюс философии языка. Присутствие (Dasein) оказывается тем «местом» совпадения солипсизма и реализма, «из» которого исходит вопрос о бытии и «в» которое он возвращается. Сама же «экзистенциальная аналитика присутствия»